

Священный Собор Православной Российской Церкви

Протокол сто семидесятый

7 (20) сентября 1918 года

1. Заседание открыто в 10 часов утра в соборной палате под председательством Святейшего Патриарха Тихона в присутствии 134 членов Собора, в том числе 32 епископов.

2. Докладчик Редакционного Отдела С. Г. Рункевич оглашает:

а) принятое Отделом изложение постановления по проекту Положения о временном Высшем Управлении Православной Церкви на Украине;

б) заключение Отдела: для согласования статьи 4 настоящего постановления Священного Собора относительно вызова украинских архиереев для очередного присутствия в Св. Синоде с состоявшимся ранее соборным определением об очередном вызове архиереев по пяти группам открывается необходимость предоставить Высшему Церковному Управлению включить все украинские епархии в одну группу, а те неукраинские епархии, кои ныне входят в Юго-Западную группу, обнимающую украинские епархии, перечислить к другим группам.

3. ПОСТАНОВЛЕНО: а) принять постановление в изложении Редакционного Отдела, б) для согласования статьи 4 настоящего постановления с состоявшимся ранее соборным определением предоставить Высшему Церковному Управлению включить все украинские епархии в одну группу, а те неукраинские епархии, кои ныне входят в Юго-Западную группу, обнимающую украинские епархии, перечислить к другим группам.

4. Председательствующий митрополит Новгородский Арсений объявляет, что принятое постановление будет передано в Совещание епископов.

5. Секретарь оглашает выписки из постановлений Святейшего Патриарха и Священного Синода:

а) от 4 (17) сентября с. г. за номером 762 о перемещении епископа Никольско-Уссурийского Павла, викария Владивостокской епархии, на кафедру епископа Вяземского, викария Смоленской епархии;

47. Председательствующий объявляет, что принятое постановление будет передано в Собрание епископов и предлагает благодарить докладчика.

48. ПОСТАНОВЛЕНО: благодарить Редакционный Отдел и председателя его С. Г. Рункевича.

49. Секретарь Собора В. П. Шеин докладывает о гонениях на Церковь и оглашает список лиц, пострадавших за веру и Церковь в дни нынешней смуты, по сведениям к 7 (20) сентября 1918 года.

В одном из предшествующих заседаний Св. Собора Высокопреосвященным Председательствующим было выражено пожелание, чтобы ко дню последнего заседания была представлена сводка данных о гонениях на Церковь и о новых мучениках. Данные об этом стекались как в Высшее Церковное Управление, так и на Собор в Комиссию о гонениях. Эти данные теперь сосредоточены и представляют ужасную картину того, что приходится терпеть Церкви.

Изданный 23 января 1918 года Советом народных комиссаров так называемый декрет о свободе совести поставил Православную Русскую Церковь в положение не только фактически, но и юридически гонимой. В своем особом постановлении, которое было напечатано в «Церковных Ведомостях» и сообщено Совету народных комиссаров, Священный Собор определенно выявил это скрытое в словах декрета враждебное всякой религиозной свободе существо его. Неясный и неопределенный по своему изложению декрет 23 января мог быть всегда истолковываем в каком угодно смысле, под его действие можно было подвести всякое почти насилие, направляемое против Церкви Православной и ее служителей. Вместе с тем, Совет народных комиссаров, представляя в деле проведения в жизнь декрета о свободе совести широкие полномочия местным органам, открыл возможность самого широкого произвола. Местные совдеды широко воспользовались предоставленным им этим правом по своему усмотрению осуществлять проведение в жизнь декрета 23 января и превратили его в организованный, если не поощряемый, то во всяком случае не встречающий противодействия со стороны центральной власти, грабеж Православной Церкви, ее имущества и в открытое преследование ее служителей. Со времени издания декрета открылся целый ряд поруганий и осквернений храмов и святынь, захватов церковного имущества; целый ряд ничем не оправдываемых и никому не нужных убийств, насилий, арестов и издевательств над служителями Христа и Его Церкви.

Еще в марте текущего года Священный Собор признал действия советских властей «тяжким и ничем не вызванным со стороны Православной Церкви оскорблением ее религиозного чувства, насилием, самым вопиющим образом нарушающим ту свободу и те начала нелицеприятной справедливости и равноправия, которые провозглашены народными комиссарами». Высказав этот свой взгляд Совету народных комиссаров чрез особую депутацию, Священный Собор постановил образовать особую Комиссию о гонениях на Православную Церковь, поручив ей собирать все сведения относительно гонений на Церковь.

Поступающие в Комиссию донесения с мест рисуют потрясающие картины разгула низменных страстей толпы. Кровь леденеет в жилах и сердце наполняется ужасом

пред этими картинами дикой кровавой расправы темных масс народа над своими пастырями. Опыренный запахом крови разжигаемой всеми средствами нынешнюю властью классовой борьбы русский народ, темный и неразвитый, не усталился поднять руку даже на то, что было ему всегда близко и дорого, на то, чем он жил не одну сотню лет — на веру православную. Арестуются и подвергаются оскорблению епископы и священники, зверски расстреливаются священнослужители, часто без всякого не только суда, хотя бы для видимости их виновности, но и без предъявления к ним какого бы то ни было обвинения только за то, что они — служители Церкви Православной, провозвестники Христовой истины.

И проходит пред нами длинный ряд новых священномучеников и мучеников за веру и Церковь Православную. Высокопреосвященный митрополит Владимир, епископы Гермоген, Макарий, Варсонофий, Ефрем... Не пощажены видные общественные деятели и проповедники, как, например, настоятель Казанского собора в Петрограде и председатель Общества религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви Философ Орнатский, знаменитый бесстрашный проповедник настоятель храма Василия Блаженного в Москве протоиерей Иоанн Восторгов, неустанный миссионер-проповедник и устроитель и основатель Варнавинского и других обществ и братств Николай Юрьевич Варжанский, настоятель Вятского кафедрального собора протоиерей Алексей Израилев и множество протоиереев, иереев, монашествующих и светских лиц — «их же имена Ты, Господи, веши».

Начиная с высшей иерархии и кончая рядовыми членами Церкви многие запечатлели мученической смертью свою верность Христу и Его Церкви, и каждый день приносит все новые и новые известия о расстрелах и других убийствах священнослужителей и верующих мирян, вставших на защиту Божьего достоинства, и число этих невинных жертв, кровь которых вопиет к Небу, все увеличивается и не видно ему конца. А сколько случаев такого мученичества остаются неизвестными!

Многие из пастырей убиты на своем посту, при исполнении своих обязанностей, некоторые — с крестом в руках. Всем известно, как предчувствовал свою близкую кончину Высокопреосвященный митрополит Владимир, как трогательно просто попрощался он со своим келейником и швейцаром. Также мужественно, с полной сознательной готовностью отдать свои жизни за Церковь Христову встречали свою смерть и многие из убитых пастырей, как один, неведомый пока по имени пастырь Ставропольской епархии, расстрелянный в облачении и со крестом в руках, или как другой, прямо по совершении литургии выведенный из храма и тут же на паперти расстрелянный. А священник города Переяславля-Залесского Константин Снятиновский, когда ведшие его на расстрел красногвардейцы оттолкнули стоявшую им на дороге дочь о. Константина, умолявшую пощадить милого папу, и пригрозили расстрелять и ее, сказал им: «Зачем же ее-то стрелять?». Сам пошел за убийцами и был тотчас же расстрелян. А вот еще потрясающая душу картина. В квартиру протоиерея города Елабуги о. Павла Дернова врываются ночью 15 человек красногвардейцев и сначала уведут трех его сыновей. Через несколько минут уведут и отца. Производят на квартире обыск, не допуская никого из оставшихся близких следовать за арестованными. На

рассвете разыскали трех юношей-сыновей: они сидели под арестом в исполнительном комитете, а отца Павла не могли разыскать, да и нельзя было найти того, кого в живых уже не было. Две женщины сообщили, что за городом у мельницы лежит труп убитого священника. Оказалось, что о. Павла расстреляли в 5 часов утра и хотели бросить в прорубь, но увидевшие это крестьяне не дали совершить поругания над телом священника. Лишь в 4 часа привезли тело на квартиру почившего. Когда арестованные дети узнали, что отец их убит, один из них не выдержал и назвал красногвардейцев душегубами. Этого было достаточно, чтобы всех троих вывели на край города и расстреляли.

А вот еще донесение. К священнику села Павловка Хвалынского уезда Саратовской губернии о. Владимиру Пиксанову 19 марта вечером заехало несколько красногвардейцев. Отец Владимир принял их радушно, напоил чаем и накормил. Не знал он, что оказывает гостеприимство своим палачам. Прибывшие после этого радужного приема подвергли отца Владимира допросу, сопровождавшемуся жестокими истязаниями, так что видевшие после труп о. Владимира и обмывавшие его свидетельствовали, что вся спина почившего представляла из себя сплошную рану. Допрос продолжался приблизительно с 11 вечера до 3 часов утра, затем конвоиры вывели о. Владимира за ворота и один из красногвардейцев выстрелил в спину о. Владимиру, убив его наповал. Больших трудов и унижений стоило семье покойного вымолить разрешение предать тело земле по христианскому обряду, внести же в церковь для отпевания так и не разрешили, пришлось отпевать на дому в присутствии вооруженных винтовками и плетями красногвардейцев. На запрос Епархиального Совета о причинах расстрела о. Владимира Хвалынская следственная комиссия сама устыдилась гнусности содеянного и, скрыв правду, ответила, что священник Пиксанов убит случайно во время перестрелки.

Обычным оправданием расстрелов и убийств служит для советской власти обвинение, в большинстве случаев непроверенное и голословное, в контрреволюционности. Прикрываясь этим, власти расстреливают кого хотят. Так расстреляны священнослужители в городе Солигаличе Костромской епархии, протоиерей Иосиф Смирнов, престарелый заштатный священник Владимир Ильинский, диакон Иоанн Касторский и другие граждане города «за выступление против советской власти». Насколько справедливо это обвинение говорить не приходится. Так были расстреляны и шесть иеромонахов и один иеродиакон Перемышльского Свято-Троицкого Лютикова монастыря Калужской епархии и много других.

Третьим видом убийств пастырей является так называемый «красный террор», применяемый теперь широко советской властью. Это самый ужасный, самый бессмысленно-жестокий способ классовой борьбы, почти узаконенный нынешней властью. Убивают людей по приказу правительства только потому, что они не принадлежат к рабочему классу. Приказы народных комиссаров с официальным призывом к «захвату значительных количеств заложников и к массовому расстрелу без суда» внушают невольный ужас всякому здоровому, сохранившему элементарное нравственное чутье человеку. Забывшие всякую совесть агенты Всероссийской чрезвычайной комиссии, не считаясь ни с чем, хватают и расстреливают всех, кого хотят. Преосвященные Ма-

карий, Варсонофий, Ефрем, архимандриты Никифор и Августин и многие священники сделали жертвами этого бессмысленного истребления и прияли венец мученический от руки советской власти.

Вот как сообщают о подробностях кончины Преосвященного Варсонофия, епископа Кирилловского. 2 сентября в воскресенье около 5 часов утра Владыку вместе с другими приговоренными к расстрелу (всего шесть человек) повели по направлению к Горицам. Их сопровождали и исполнители приговора человек тридцать. Владыка просил о разрешении зайти в монастырь для приобщения Святых Таин, ему было отказано. Недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря, по дороге к Горицам, находится подворье Филиппо-Ирапского монастыря. На подворье в заборе помещается икона святителя Филиппа Ирапского. Владыка хотел перекреститься перед иконой, но получил по руке удар прикладом ружья. Место, где был расстрелян Преосвященный, находится на расстоянии двух верст от города по направлению к Горицам. Как раз против того места стоит верстовой столб. Говорят, что когда Владыка приблизился к месту расстрела, то сказал: «Вот и наша Голгофа». Расстреливаемые были поставлены лицом к горе Золотухе, спиной к Кирилло-Белозерскому монастырю и к расстреливавшим. Владыка стоял между игуменией Ферапонтова монастыря Серафимой справа и М. Д. Трудниковым слева. С воздетыми молитвенно руками он читал отходную, которую и закончил словом «Аминь». Шесть залпов были даны. Расстреливаемые уже все упали, а Владыка продолжал стоять. «Да опусти ты свои руки», — сказал, подбегав, один из со-вершителей казни. «Я кончил, кончайте и вы». С этими словами Владыка повернулся, благословил обитель и опустил руки. Последовал залп в упор в затылок, и Владыка пал мертвым.

Вот пред нами образ пастыря-мученика, священника Нижнего Новгорода о. Николая Орловского, расстрелянного как заложника. После него осталась семья в 9 человек малолетних детей, без всяких средств к существованию. Каково же должно быть душевное состояние матери этих малюток, когда отца их расстреляли только за то, что он не принадлежал по рождению к тому классу, во имя освобождения которого (от кого и от чего?) действует советская власть!

О тех же издевательствах, арестах и насилиях всякого рода, которым подвергались и подвергаются служители Церкви Христовой и верные сыны ее и говорить уже не приходится. Потерявшие всякий человеческий облик, разнузданные до последней степени представители власти на местах и ее агенты в своей дышащей поистине каким-то сатанинством злобе перешли всякие границы. Многие из видных архипастырей, огромное большинство священнослужителей подверглись издевательствам и насилиям, многие были арестованы и брошены в тюрьмы. Многие и до сих пор томятся в заключении, а другие нашли там свою кончину. Чем иным, как не желанием надругаться над Православною Церковью и ее служителями можно назвать посылку 60-летнего старца епископа Гермогена на рытье окопов и после его удушение. Вот и другой видный иерарх архиепископ Донской Митрофан, тоже глубокий старец. Сколько издевательства, сколько нравственных мучений пришлось перенести ему только за то, что он — служитель Христа и Его Церкви. Издевательства переносили высшие иерархи,

что же приходилось и приходится терпеть рядовым священнослужителям не поддается никакому описанию. Стоит только прочесть любое донесение об аресте священника, как оттуда глянет скорбный лист самых невероятных нравственных, а потом и физических страданий, исторгнутых людьми-зверями, потерявшими все — и стыд, и страх, и совесть. Вот что пишет в рапорте Преосвященному Вятскому настоятель Троицкой церкви города Яранска священник Серапион Фаворский, арестованный за прочтение послания Святейшего Патриарха и препровожденный вместе с церковным старостой Н. А. Быстрениным и другими арестованными сначала в Котельническую тюрьму, а потом в город Вятку. «Привели нас в тюремную контору и предложили тюремным чинам и письмоводительнице уйти куда-нибудь из конторы. Велели мне снять рясу. Как только последние вышли, подошли ко мне трое из летучего отряда, одетые в кожаные куртки, и я получил сильный удар по плечам, но устоял на ногах. Следующий удар свалил меня с ног, хочу подняться, но тут стали наносить мне удары и по голове, и по спине, и по бокам, били кулаками, топтали каблуками, пинали ногами, так что от каждого пинка я катался по полу. Я кричал от боли, но бывшие меня запрещали кричать. Затем бывшие меня подошли к старосте и началось избивание. От боли он кричал. Не знаю, долго ли продолжалось избивание. Только появившаяся на полу лужа крови заставила избивавших остановиться. Велели ему встать, стали между собой говорить, что нужно убрать кровь с полу...»

По словам очевидцев, при расстреле в Богородске Московской епархии протоиерея о. Константина Голубева убийцы нанесли ему только рану и еще живого бросили в яму и стали засыпать землей. Несчастный подымал голову и молил прикончить его, находившаяся при этом дочь его на коленях умоляла, чтобы отца не хоронили живым, но ничто не помогло, и злодейство было доведено до конца — его засыпали живым.

Иногда, правда, советская власть (и только в центре) старается прикрыть свои действия видимой тенью законности, как, например, в известном Звенигородском деле. Московский революционный трибунал приговорил к пожизненному заключению тюремному и к самым тяжким принудительным работам настоятеля Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря игумена Макария и священника Николаевской церкви в Савинских подмонастырских слободах Василия Державина, хотя они и не были виноваты в том, в чем их обвиняли. Но это только в центре, в провинции же советские власти не считают нужным делать и этого, а поступают так, как подсказывает им их «революционное правосознание».

Одними убийствами, арестами и насилиями не ограничивается гонение на Церковь Православную. Советская власть, несмотря на то, что декрет 23 января обеспечивает свободу внутренней жизни религиозных обществ, посягает и на внутренний строй Церкви, вмешиваясь в область чисто церковного управления и даже учения. С ужасом приходится задумываться над словами Самарского комиссара по вероисповедным делам в циркулярном предписании: «Немедленно приступить к исполнению воли народа, т. е. венчать лиц, браки которых расторгнуты революционными трибуналами». Что это — наглость ли, доведенная до крайних пределов, или же чудовищная несозна-

тельность и темнота? Издавать от имени народа декрет об отделении Церкви от государства, вводить гражданский брак и потом, когда сам народ не признает действительным этот гражданский брак и стремится освятить его в Церкви, говорить слова о той же воле народа благословлять церковно брак. И таких распоряжений было не одно: и в Калужской советской республике, и в других местах требовали этого от священников. Котельнический исполнительный комитет издал распоряжение, запрещающее под страхом строжайших наказаний, вплоть до расстрела, читать послания Святейшего Патриарха. А Калужский революционный трибунал пошел еще дальше. Он вынес постановление о лишении священного сана настоятеля собора протоиерея С. Протопопова. В другом же случае Калужский Губернский исполнительный комитет потребовал отмены постановления о запрещении в священнослужении священника Покровского, грозя в противном случае предать суду епископа и весь Епархиальный Совет. Так понимают свободу внутренней жизни Церкви советские власти на местах.

Но такими действиями не ограничивается проведение в жизнь декрета 23 января. Почти по всей России совершается осквернение и поругание святых, насильственное отнятие церковного имущества, особенно у обителей, во всех его видах, начиная от зданий и денег, кончая последними скудными запасами хлеба и картофеля, так что иноки и инокини обрекаются на голодную смерть. Отнимаются помещения духовно-учебных заведений и разных других учреждений Духовного Ведомства. Все просветительные, благотворительные и в широком смысле миссионерские начинания Церкви подрываются в корне. Святые храмы отнимаются под титулом народного достояния у самого же народа безрелигиозною политической властью и, в виде милости, отдаются ему в пользование уже на кабальных условиях, открывающих возможность самых произвольных форм эксплуатации в пользу казны и под страхом уголовной ответственности по всей строгости революционных законов.

Нет ни одной епархии в пределах Советской республики, где бы не было захвачено имущество почти всех монастырей. Некоторые из захватов носили характер чисто разбойничьих нападений, а может быть и были таковыми на самом деле, например, нападение на Брянский Успенский Свенский монастырь, во время которого был убит игумен Гервасий, таково же нападение на Носовский монастырь Тамбовской епархии, сопровождавшееся убийством двух человек из братии — иеромонаха Сергия и иеродиакона Андроника — и ранением двух послушников. В большинстве же случаев захваты монастырского имущества носили ясно правительственный характер, хотя и сопровождалась также нередко убийствами и ранением кого-нибудь из братии, как, например, в Колочском монастыре Смоленской епархии. В Тихонову Пустынь прибыли комиссары в сопровождении целого отряда вооруженных людей на нескольких грузовых автомобилях с пулеметами. Когда же окрестные крестьяне хотели узнать о цели прибытия комиссаров и намеревались было воспрепятствовать захвату монастырского имущества, то эти, именующие себя народными комиссарами, пригрозили расстрелять всех, если собравшийся народ вздумает вмешиваться не в свое дело. И, действительно, всякая попытка обращения к окрестному населению за помощью оградить монастырское

имущество от расхищения рассматривается как выступление против советской власти и жестоко карается.

В большинстве же случаев советские власти требовали от монастырей представления описей всего монастырского имущества как движимого, так и недвижимого или же назначали для производства такой описи и принятия на учет особых комиссаров, которым и вручалось управление и надзор за имуществом, как, например, в Средненском скиту Калужской епархии, в Игнатъевском и других монастырях. Как «охраняли» монастырское имущество эти комиссары можно видеть из того, что даже сами советские власти находили нужным назначать ревизии их деятельности.

Земельные имущества монастырей обыкновенно отбирались волостными или другими земельными комитетами, равно как и скот, и прочее имущество земледельческое, и все это передавалось в пользование крестьянам. Иногда же делалось и проще — сами крестьяне захватывали все, что им нужно было, а комитеты обыкновенно утверждали такие действия. Иногда отбиралось буквально все, как это было во многих монастырях Новгородской епархии. Так Валдайский Иверский монастырь ежегодно выпекал из запасов своей муки хлеб и раздавал окрестным крестьянам, что служило огромным подспорьем в это трудное время для бедных. Местная советская власть хорошо была осведомлена об этом, но все-таки отобрала оставшиеся еще у монастыря запасы хлеба и тем самым лишила помощи окрестную крестьянскую бедноту, о благе которой так заботится на словах нынешняя власть.

С внутренним укладом монастырской жизни власти совершенно не считаются. В мужские монастыри они вселяют семейных и женщин, в женские помещают мужчин (например, Костромской Богоявленский Анастасьин монастырь).

Не избегли общей участи захвата и просветительные и другие учреждения Церкви. По постановлению от 11 августа с. г. все духовно-учебные заведения упраздняются, а здания их со всем имуществом и капиталами должны быть переданы в Комиссариат народного просвещения. Открытие и содержание каких бы то ни было учебных заведений, кроме узко-профессиональных, для Церкви безусловно не допускается, да и в самих профессиональных школах преподавание богословских предметов разрешается только для учеников, достигших 18-летнего возраста.

Отобраны также и все приюты, богадельни, больницы и другие просветительно-благотворительные учреждения, находившиеся в ведении Церкви. Все капиталы, по большей части завещанные жертвователями, все имущество этих учреждений, все взято. И почти все они и теперь уже влачат жалкое существование, а в будущем осуждены на безусловное уничтожение, так как все, к чему прикасается нынешняя власть, как только она делает это, гибнет и разрушается.

Гонения на Церковь проявлялись не везде одинаково. В одних местностях власти проводили осуществление декрета 23 января больше и шире, в других меньше. Наибольший процент насилий и захватов падает на епархии Вятскую, Калужскую, Тверскую и вообще на центральный район, счастливым исключением из которого до сих пор была лишь Владимирская епархия.

В Священный Собор и Высшее Церковное Управление поступила, может быть, только десятая, сотая часть сообщений о захватах имущества, насилиях, арестах и убийствах и то таких донесений буквально сотни, а сколько осталось неизвестными. Многим пришлось и придется еще перенести страдание за веру и Церковь, а, может быть, и запечатлеть свою веру Христову мученической смертью.

Согласно официальным донесениям, поступившим в Священный Собор и Высшее Церковное Управление, гонение на Церковь выражается в таких цифровых данных: лиц, пострадавших и убиенных за веру и Церковь 97 (73 человека, имена и служебное положение коих известны, 24 человека, имена коих пока еще не выяснены); лиц, подвергшихся насилию и аресту, 118; донесений о захвате архиерейских домов и монастырей и их имущества поступило 105; донесений о захвате зданий Духовных Консисторий, а также благотворительных и других учреждений Церкви 42; Духовно-учебные заведения все должны перейти в ведение советской власти, согласно постановлению от 11 августа 1918 года. Но все эти цифры далеко, конечно, нельзя назвать исчерпывающими. Насколько неполны они, можно видеть из того, что в одной Москве захвачены уже советской властью несколько монастырей, как, например, Чудов, Новоспасский, Покровский, Скорбященский, Вознесенский и частью (пока) Страстной, но донесений об этом от епархиальной власти до сих пор еще не поступало ни в Священный Собор, ни в Высшее Церковное Управление.

Перейдем теперь к поименному списку лиц, которые пострадали за веру, Церковь во дни нынешней смуты, по сведениям к 7 (20) сентября 1918 года.

Митрополит Киевский Владимир.

Епископы: Тобольский и Сибирский Гермоген, Вяземский Макарий, викарий Смоленской епархии, Кирилловский Варсонофий, второй викарий Новгородской епархии.

Архимандриты: Никифор, настоятель Долоцкого монастыря Смоленской епархии, Августин, наместник Оранского монастыря Нижегородской епархии.

Протоиереи: Андронников Алексей (г. Кострома), Кочуров Иоанн (г. Царское Село), Смирнов Иосиф (г. Солигалич Костромской губернии), Дернов Павел (г. Елабуга Вятской епархии), Скипетров Петр (г. Петроград), Восторгов Иоанн (г. Москва), Орловский Николай (г. Нижний Новгород), Израилев Алексей, настоятель Вятского кафедрального собора.

Игумены: Гервасий, настоятель Брянского Успенского Свенского монастыря.

Иереи: Самоваров Александр (хутор Романовский Ставропольской епархии), Лебедев Василий (с. Сетное Орловской епархии), Осипов Василий (о. Дровосечный Орловской епархии), Углянский Василий (Таврической епархии), Ильинский Владимир (г. Солигалич Костромской епархии), Любарский Иаков (с. Алисовка Харьковской епархии), Паньков Иоанн (с. Усть-Нугря Орловской епархии), Снятиновский Константин (Владимирской епархии), Тихомиров Михаил (г. Елец Орловской епархии), Чафранов Михаил (г. Севастополь), Кушников Павел (Новгородской епархии), Зефилов Петр (с. Никольское на Здоме Ярославской епархии), Руженцов Александр (с. Печатники Смоленской епархии), Покрывалов Петр

(Тульской епархии), Сергеев Дмитрий (с. Бахты Вятской епархии), Пиказнов Владимир (с. Павловка Саратовской епархии), Знаменский Николай (Нижегородской епархии), Запольский Никита (Херсонской епархии), Брянцев Николай (г. Ярославль), Здоровцев Геннадий (г. Ярославль).

Иеромонахи: Герасим (Кобинский монастырь Кавказского Экзархата), Сергей (Носовский монастырь Тамбовской епархии), Иосиф, Авксентий, Иоассон, Никанор, Корнилий, Иоанникий (Перемышльский Свято-Троицкий Лютиков монастырь Калужской епархии).

Иеродиакон: Андроник (Носовский монастырь Тамбовской епархии), Пафнутий (Перемышльский Свято-Троицкий Лютиков монастырь).

Диакон: Касторский Иоанн (г. Солигалич Костромской епархии), Соколов Николай (убит в Ярославле).

Послушник Антоний (Кобинский монастырь Кавказского Экзархата).

Миряне: Перебаскин Иоанн, смотритель Солигаличского духовного училища, Жухов Петр, крестьянин села Гнездова Тверской епархии, Михайлов Прохор, крестьянин села Гнездова Тверской епархии, Карташев Владимир, секретарь Смоленской Духовной Консистории, Ложкин Василий, делопроизводитель Вятского Епархиального Совета, Бьяльницкий-Бируля Борис, член Св. Собора от Полоцкой епархии, Полонский Георгий, член Св. Собора от Полоцкой епархии.

Неизвестные имена убиенных: священник Ставропольской епархии Волоцкий, другой неизвестный по фамилии священник той же епархии, священник Елисаветпольской губернии Казанский, и. д. эконома Омского архиерейского дома, протоиерей г. Елабуги Львов, священник Ярославской епархии Великосельский, священник Смоленской епархии Михайлов, обыватели посада Ижевского завода Сосулин и Круговых и 16 граждан города Солигалича.

И, конечно, многие другие, их же имена Ты, Господи, веши (д. 173, лл. 148–168).

Собор воспевает «Со святыми упокой».

50. Секретарь оглашает выработанный особой Комиссией проект соборного предначертания о защите церковного имущества, не имеющего значения святынь, от посягательства на отторжение его от Св. Церкви.

1. Движимые и недвижимые имущества Святой Православной Церкви, не имеющие значения святынь, суть средства или к осуществлению Церковью ее духовных целей, или к удовлетворению потребностей служителей ее в условиях их земного существования.

2. Каждое из таковых имуществ в Русской Православной Церкви, будучи общим ее достоянием, имеет свое определенное предназначение, соответственно коему только и может быть употребляемо.

3. С этим (статья 2) ограничением управление и распоряжение церковным имуществом вверяется в Православной России либо православным приходам, по правилам Приходского Устава, либо монастырям и иным церковным организациям, на основании особых о них положений; высшая же власть в распоряжении сим имуществом принадлежит Всероссийскому Церковному Собору.